

ЭПОС НАРОДОВ РОССИИ: АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ПОЭТИКИ

УДК 398.22
ББК 82

ПОЭТИКА И СТИЛЬ ВАРИАНТОВ ЭПОСА «АЛТАЙ-БУУЧАЙ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

АРКАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОНУНОВ

(БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»: 649000, Россия,
Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6)

***Аннотация.** Варианты эпоса «Алтай-Буучай», зафиксированные в живом естественном бытовании, малоизвестны в широких читательских кругах. В этой связи актуально изучение проблем, связанных с данным эпосом и системно-аналитическое исследование художественно-образительных средств. Эти вопросы не были ранее предметом специального изучения. Данная работа является первым исследованием поэтики и стиля вариантов эпоса «Алтай-Буучай». Основная цель работы заключена в рассмотрении в сравнительном аспекте стилевых приемов вариантов героического эпоса «Алтай-Буучай» (два сказания являются разновременными записями от одного и того же сказителя) с привлечением некоторых вариантов, изданных только на русском языке.*

При сопоставлении вариантов сказания выяснилось, что дословные совпадения вариативных фигур в рассматриваемых сказаниях очень редки. Это в основном устойчивые вариативные фигуры, которые в своей структуре обязательно имеют набор опорных слов. Характерным стилевым приемом для сказительства алтайцев является подхват, на становление которого как стилевой категории повлияла особенность памяти при устной передаче значительного объема информации. Основной функцией усложненной эпитетики является усиление характеризующего признака или уточнение того или иного аспекта.

Краткий анализ некоторых стилевых категорий в вариантах героического сказания «Алтай-Буучай» позволяет характеризовать их как типичные образцы художественной фактуры устной эпической поэзии алтайцев, которые сохранили свою значимость по сегодняшний день. При всей «канонизированности» содержания и несмотря на то, что варианты сказания «Алтай-Буучай» имеют единое происхождение, каждый вариант предстает как сугубо самостоятельный словесно-художественный памятник, несущий в себе свою, унаследованную от поколений предшественников, наполненность содержания, в которой реализуются каноны стиля и поэтики эпоса. У каждого сказителя — своя исполнительская манера и во многом у каждого — свой лексический словарь и эпический язык в целом, вбирающий особенности традиционной культуры определенной этнической среды.

***Ключевые слова:** героический эпос, стиль, вариация, анадиплозис, эпитет.*

Героический эпос «Алтай-Буучай» бытовал почти у всех этнических групп Горного Алтая. Известно, что наукой зафиксировано около 20 вариантов этого эпоса. В конце XIX — начале XX в. героическое сказание «Алтай-Буучай» в различных вариантах издавалось 5 раз. Но все они вышли только на русском

языке. При всех недостатках первые записи сказания «Алтай-Буучай» представляют исключительный интерес, так как эти записи донесли до нас детали эпоса, которые в более поздних записях этого сказания не могли не подвергнуться каким-то изменениям и переосмыслениям. Еще один важный

момент состоит в том, что эти записи произведены в разных концах Алтая и у разных племен: теленгитов, алтайцев и телеутов.

Впервые на алтайском языке сказание «Алтай-Буучай» было опубликовано в 1941 г. в сборнике героических сказаний Н. Улагашева «Чёрчөктөр». Во второй половине XX в. С. С. Суразаков, желая продолжить сбор вариантов эпоса «Алтай-Буучай», произвел магнитофонные записи от А. Г. Калкина, Ч. И. Бутуева, Е. К. Таштамышевой и других алтайских сказителей.

Вариант Н. Улагашева был записан А. Роголевой в 1940 г. в г. Ойрот Тура (с 1948 г. г. Горно-Алтайск). Варианты А. Г. Калкина, Е. К. Таштамышевой, Ч. И. Бутуева записаны на магнитофон и переведены на русский язык С. С. Суразаковым в 1958—1959 гг. в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы.

Таким образом, в данной работе кроме варианта Н. Улагашева мы остановились на трех вариантах сказания, записанных и опубликованных С. С. Суразаковым, а также речь пойдет еще об одном варианте, записанном повторно через 34 года М. А. Демчиновой. Запись произведена в 1992 г. Все тексты изданы в двуязычном научном издании «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри») в 2013 г.

Вариант Н. Улагашева по объему составляет 1060 стихотворных строк, вариант А. Г. Калкина (1992 г.) — 1787 стихотворных строк, вариант А. Г. Калкина (1958 г.) — 1416 стихотворных строк, вариант Е. К. Таштамышевой — 1016 стихотворных строк, вариант Ч. И. Бутуева — 682 стихотворные строки. Данные записи мало отличаются друг от друга по своим сюжетам, мотивам, именам персонажей и трактовке образов. В них довольно подробно передаются и повторяются эпизоды и многие образные выражения. По словам С. С. Суразакова, «несомненно, это варианты одного эпического произведения, бережно сохраненного сказителями племен Алтая. Они восходят к одному общему прототипу, но содержат следы

дальнейшей переработки различными поколениями сказителей» [Суразаков 1985, 125].

Из представленных записей вариантов эпоса «Алтай-Буучай» наиболее близкими друг к другу являются записи от тубаларских сказителей Н. Улагашева и Е. Таштамышевой. По некоторым данным, оба сказителя восприняли героическое сказание «Алтай-Буучай» от знаменитого тубаларского сказителя Кабака Тадыжекова в конце XIX в. Е. Таштамышева признавалась, что она «рассказывает сказание “Алтай-Буучай” очень кратко, намного короче, чем Тадыжеков, без тех многочисленных эпических описаний, на которые был способен этот кайчи» [Суразаков 1961, 11].

Варианты А. Калкина можно отнести к теленгитским вариантам «Алтай-Буучая», т. е. они наиболее близки к тем, что записаны от сказителей Улаганского и Кош-Агачского р-нов Республики Алтай. Первый вариант А. Калкина (1958 г.) был исполнен горловым пением — каем, а второй вариант (1992 г.) был исполнен речитативом без аккомпанемента. Оба варианта исполнены с подробными эпическими описаниями, замедленным развертыванием действия, сохранением всех эпических деталей и повторов.

Надо сказать, что вариант Ч. Бутуева значительно отличается от всех других. Прежде всего, это касается всей системы поэтических оборотов речи и образов, а также некоторых эпизодов и сцен.

В рассматриваемых вариантах эпоса «Алтай-Буучай» можно выделить следующую сюжетную основу.

Богатырь Алтай-Буучай — глава рода, скотовод и охотник. В вариантах Н. Улагашева и Е. Таштамышевой у него есть жена, дочь и неокрепший малолетний сын. В вариантах А. Калкина и Ч. Бутуева — жена, сестра и неокрепший малолетний сын (в варианте Ч. Бутуева интересное указание, что сын Алтай-Буучая сначала был калекой (международный сюжет): «*Одус жылга чыгара / Туруп баспас бала болт* (В течение тридцати лет / Он на ноги не вставал, не ходил)» [Алтай баатырлар 2013, 256]. Имена персонажей

варьируются. Главный герой имеет трех коней — для скота, охоты и войны (за исключением варианта Ч. Бутуева, в котором богатырь имеет одного коня Темичи-жеерен). Также у него есть две собаки и два сокола (в варианте Н. Улагашева) или беркута (в варианте Е. Таштамышевой и А. Калкина). В варианте Ч. Бутуева собаки и соколы не указываются.

*«Туудыг ангын тууга атты,
Суудыг ангын сууга ла тутты.
Камду ангынг жакшыларын
Карызынаг тизендеди.
Албааныг аруларын
Тумчугынаг тизен салды.
Удура тиштү айу-бөрү
Азузынаг тизен салды.
Кайра тиштү какайларды
Карызынаг тизен салды.*

Отъезд Алтай-Буучая. Во всех вариантах сказания говорится об отъезде богатыря на охоту. Сценам охоты в эпосе уделяется значительное место. При описании охоты Алтай-Буучая сказители кроме традиционных описаний привносят что-то свое, характерное для охоты в их местности. Так, например, у А. Калкина Алтай-Буучай охотится на медведей, волков, кабанов, соболей и выдр:

Горных зверей он в горах стрелял,
В реках ловил речных зверьков;
Лучших из лучших выдр
За передние ноги нанизывал,
Чистых из чистых соболей
За кончики носа нанизывал.
Прямозубых медведей, волков
За клыки нанизывал.
Кривоклыких кабанов
За передние ноги нанизывал»
[Алтай баатырлар 2013, 100].

У Ч. Бутуева охота происходит только лишь на маралов приемом выгона их на открытое место:

*«Арка жанын топшуунун
Меес жанынаг турала,
Бежен сыгын ол атты.
Меес жанынаг топшуунун
Арка жанынаг турала,
Алтан сыгын ол адыт,
Андан-куштан ол жүрди.*

С северной стороны гор выгнав зверей,
На южной стороне их поджидая,
По пятьдесят маралов он стрелял.
С южной стороны гор их вспугнув,
На северной стороне карауля,
По шестьдесят маралов стреляя,
Так он охотился»
[Алтай баатырлар 2013, 258].

Охота на этих зверей наиболее характерна для тех мест, где записаны соответствующие варианты сказаний. В варианте Е. Таштамышевой богатырь еще и рыбачит.

Важным мотивом в завязке сюжета эпоса «Алтай-Буучай» является нарушение женой и сестрой наказа Алтай-Буучая, повлекшее за собой дальнейшие события. В рассматриваемых вариантах наказ богатыря присутствует только в варианте Н. Улагашева: *«Мен үйде жок тужунда / Боро тайга кырына чыкпа // Ак талайдын кутук суузына / Эки будун эмди сукпа!»* (Когда дома меня не будет / На серую гору не поднимайся // В родниковую воду ноги не опускай!)» [Алтай баатырлар 2013, 24].

Во время очень долгого пребывания Алтай-Буучая на охоте жена и сестра полагают, что он погиб и нарушают наказ: *«Одус жылга барган адан / Алтан жылга жеде берди // Ойто биске жанбас болуп /*

Өлүп калганы жарт болды (На тридцать лет, уехавший твой отец / Шестьдесят лет не возвращается // К нам не возвращается / Ясно, что он умер)» [Алтай баатырлар 2013, 26]. В вариантах Н. Улагашева и Е. Таштамышевой говорится, что дочь, поднявшись на вершину горы, увидела стойбище неженатых братьев Араная и Шараная, к которым она поехала с письмом матери.

У А. Калкина, как и в большинстве других вариантах этого сказания, присутствует мотив ловли и попытки уток, плавающих на озере, которое находилось на вершине горы. Узнав от одной из уток, что есть ловкие и сильные ханы Аранай и Шаранай, жена Алтай-Буучая пишет им письмо на ее крыле.

В варианте А. Калкина достаточно красочно и полно описывается эпизод доставки письма уткой. Эпизод столкновения отца Араная и Шараная — Алтан-Шалтана (в варианте Н. Улагашева

ва — Шалтай-Белтей; Е. Таштамышевой — без имени) с сыновьями, когда отец предостерегает сыновей от верной гибели, но они не слушаются его, присутствует во всех вариантах сказания, кроме текста Ч. Бутуева.

Следующим эпизодом является приезд Араная и Шараная в стойбище Алтай-Буучая и пир у женщин. В рассматриваемых вариантах Аранай и Шаранай приезжают в стойбище до возвращения Алтай-Буучая с охоты. Аранай намеревается жениться на жене богатыря, младший брат Шаранай — на сестре; народ и скот они решают угнать, стойбище — разграбить и разрушить. После возвращения Алтай-Буучая Эрмен-Чечен и Дьараа-Чечен в страхе, что богатырь накажет их, решают отравить его. В это время Аранай и Шаранай прячутся. В варианте Н. Улагашева они прячутся под нарами, в варианте Е. Таштамышевой они прячутся, вырыв яму в женской половине юрты, у А. Калкина они прячутся, вырыв яму — один на переднем углу, второй около дверей. Только в варианте Ч. Бутуева Апан и Апшын (таковы здесь имена братьев) остаются сидеть в юрте в качестве гостей.

Одним из основных сюжетов сказания является отравление и умерщвление Алтай-Буучая. Он имеется во всех без исключения вариантах, различаясь лишь в деталях. В варианте А. Калкина (1958 г.) богатырский конь заранее предчувствует опасность и предупреждает об этом своего хозяина. Это один из древнейших мотивов алтайского эпоса, где богатырь не слушается своего коня и попадает в беду, из которой извлекает его же конь. В варианте А. Калкина (1992 г.) предчувствие беды представлено через приметы. Никогда не спотыкавшийся в пути конь Алтай-Буучая споткнулся, ремешок рукояти оборвался: «*Алтай-Буучай удивился / “Элин-чактыг эки үйеге / Мениг адым бүдүрилбеен // Жажын-чактыг жаш үйеге / Мениг камчым үзүлбеен // Өлөтөнниг салымы ба? / Өзөтөнниг олжозы ба?”* (Алтай-Буучай удивился / “С давних времен за два поколения / Мой конь не спотыкался // С прежних времен до молодого поколения / Моя

плетка не обрывалась // Предвестие ли это моей смерти? / Предвестие ли это моего здравия?”» [Алтай баатырлар 2013, 350]. Только в варианте А. Калкина (1992 г.) присутствует сцена преследования Алтай-Буучая немым богатырем Кара-Баатыром, созданным Эрлик-Бийем, который намеревался убить Алтай-Буучая и взять в жены Эрмен-Чечен и Дьараа-Чечен, разграбить стойбище Алтай-Буучая до приезда Араная и Шараная. Но когда богатырь увидел, что Алтай-Буучай, узнав об его намерении, одним ударом плетки разбил с 90 гранями черную тайгу, испугался и возвратился назад. Этот сюжет возник, вероятно, в дальнейшем развитии эпоса для демонстрации достоинств Алтай-Буучая.

Во всех рассматриваемых вариантах жена Алтай-Буучая сначала его спаивает, а потом преподносит ядовитую *араку*. В варианте Ч. Бутуева отравленный богатырь и его сын сразу умирают, а в остальных вариантах показан эпизод единоборства богатырей и связанные с ним другие мотивы: просьба бросить скользкий предмет под ноги соперников (послед скота, горошины и др.), а под его ноги — не скользкий или твердый предмет (муку, сосновые шишки и др.), но жена и сестра делают все наоборот (вариант Н. Улагашева, А. Калкина, Е. Таштамышевой); обращение к жене и сестре отпустить коней, собак и соколов (вариант Н. Улагашева).

Аранай и Шаранай с помощью женщин валят богатыря, но умертвить не могут. От Эрмен-Чечена они узнают, что «душа» Алтай-Буучая находится в его большом пальце, и отрубают его (в вариантах А. Калкина — выколупывают и глаза его собственным складным ножом, который был спрятан в подошве обуви Алтай-Буучая). Тело сталкивают в глубокую яму. Во всех вариантах враги вместе с отцом умерщвляют и малолетнего сына.

Дальнейшие события связаны с эпизодом избавления коней, собак, соколов (беркутов) и отнятия у врагов большого пальца и глаз богатыря. Эти эпизоды отсутствуют только в варианте Ч. Бутуева. Во всех остальных они имеются, но различаются в деталях.

Далее следует эпизод оживления Алтай-Буучая и его сына. Повествование об оживлении богатыря варьируется. У Ч. Бутуева конь Алтай-Буучая, превратившись в белого сокола, поднимается за дочерью небожителя Юч-Курбустана, которая оживляет богатыря и его сына. В вариантах Н. Улагашева и Е. Таштамышевой конь богатыря едет к Матери-Земле, которая отправляет его добыть черную родинку семиголового Дьелбегена, способного исцелить богатыря, и уже затем конь едет за небесной девой. В варианте А. Калкина сына оживляют кони, собаки и беркуты Алтай-Буучая, а чтобы оживить самого богатыря, его конь едет за дочерью небожителя Тенери каана.

После исцеления богатыря и его сына следует сюжет о мести противникам, который также варьируется. В текстах А. Калкина месть совершает сын Алтай-Буучая. Он расправляется с Аранаем и Шаранаем, с сестрой отца, а мать оставляет, сказав: «*Акыр, слер мениг энем болороордо / Мениг слерди ѓлтүрер учурым жок / Слер адамды сакалкайаар*» («Постойте, Вы моя мать / Убивать Вас у меня рука не поднимется / придется Вам подождать отца») [Алтай баатырлар 2013, 396]. В остальных вариантах месть совершает сам главный герой.

После осуществления мести во всех рассматриваемых вариантах, кроме Ч. Бутуева, Алтай-Буучай встречается с отцом Араная и Шараная, шадит его жизнь со словами: «*“Мен каргандарды кырбайтам / Каршуларымла женижем // Олор кўнинг жеткенче / Отургайзыг журтуна!”*» («Я стариков не истребляю / С врагами своими борюсь // До конца своих дней / Живи в своем стойбище!»)» [Алтай баатырлар 2013, 66].

Сюжет о самостоятельной жизни и борьбе героя второго поколения, т. е. сюжет о женитьбе сына Алтай-Буучая в рассматриваемых сказаниях встречается только у Ч. Бутуева. Женитьба Эрке-Мендира происходит в результате героического сватовства. По мнению С. С. Суразакова, «сюжет о женитьбе сына, должно быть, позднего происхождения. Наличие в некоторых ва-

риантах сына, роль которого вначале, должно быть, сводилась к демонстрации жестокости женщин, изувечивших невинного ребенка, могло навести на мысль показать его судьбу, его будущую счастливую жизнь, олицетворением чего в эпосе и является благополучная женитьба молодого героя» [Суразаков 1961, 57]. Здесь также речь идет о продолжении рода, о продолжении жизни на стойбище Алтай-Буучая.

И наконец, сюжет об отражении нападения заступников Араная и Шараная встречается только в варианте А. Калкина (1958 г.) и в варианте Ч. Бутуева. По словам С. С. Суразакова, «он возник, вероятно, в дальнейшем развитии эпоса для демонстрации достоинств сына Алтай-Буучая, не уступающего ему в своих героических делах. И только после совершения этого подвига сыном совместно с отцом они заживают мирно и счастливо, охраняя свой народ и богатство» [Суразаков 1961, 57]. В повторной записи от А. Калкина этот эпизод отсутствует, но только в этом варианте наличествует эпизод запугивания немого богатыря Кара-Баатыра, созданного Эрлик-Бийем.

Таким образом, из вариантов сюжета эпоса Алтай-Буучай видно, что важнейшими в них являются конфликт между главным героем и его женой и сестрой (дочерью), борьба между героем и братьями, ханами, борьба сына героя с отцом невесты и отражение нашествия злых сил.

Далее в сопоставительном аспекте рассмотрим поэтику и стиль вариантов эпоса «Алтай-Буучай». Основная цель заключается в рассмотрении стилизованных приемов в вариантах героического эпоса «Алтай-Буучай» в сравнительном аспекте с привлечением ряда вариантов, изданных только на русском языке.

Известно, что алтайскому героическому эпосу присуща развитая поэтика стилистических категорий, которые преследуют специальные поэтико-стилевые цели. К числу особенно частых и значительных относится прием стилизованной *вариации*.

По определению А. В. Кудиярова, стилизованная вариация — это «склонность

сказителей выражать особо значимую мысль, суждение или художественную подробность параллельной или многократной передачей разными словесно-поэтическими средствами, которая характерна эпическому стилю сибирских тюрков, монголызычных и ряда других народов» [Кудияров 2002, 77]. По структуре вариация бывает двукратной или простой, многократной, или усложненной, и трехкратной. А. В. Кудияров в своей работе также рассматривает «мини вариации», «числовые образы вариации», «разложение парного слова» [Кудияров 2002, 77—114].

В рассматриваемых сказаниях преобладает двукратная вариация, которая является наиболее распространенным

типом вариации в алтайской, а также в тюрко- и монголызычной эпике. По мнению Е. М. Мелетинского, «двучастный параллелизм следует считать основным и первичным» [Мелетинский 1968, 42].

Представим несколько тем вариационных параллелизмов в вариантах рассматриваемого сказания. Во вступлении даются первоначальные сведения о богатыре и его жизни до основных событий (описание его эпической страны и характеристика эпического героя).

В вариантах Н. Улагашева и А. Калкина при описании эпической земли — родины Алтай-Буучая используется традиционная в алтайском эпосе параллель *тайга-талай* (гора-река):

*«Айланьп аккан Ак талайдыг
Аржан-кутук суузын ичкен,
Кайыр башту Ак тйганыг
Семис ангынаг адып жиген
Алтай-Буучай журтап жатты.*

1. «Алты үйелү ак тайганыг
2. Айаг болгон колтыгында,
3. Ылар жылбас көк талайдыг
4. Кеен болгон жаказында
5. Атту чуулу Алтай-Буучай
6. Журтап жатты.

В варианте А. Калкина (1992 г.) во вступлении, в котором описывается эпическая земля богатыря, наиболее значимые подробности варьируются сказителем и чувствуется эмоциональ-

*«Озо-озо, озо тушта,
Отурган калык жок тужунда,
Эрте, эрте, эрте чакта,
Энди бистер жок тужунда,*

*Жер-тегери белтиринде,
Жети тайга колтугында
Жер карабас тайгалу,
Жетен айры талайлу,*

*Агар-акнас ак талайдыг
Айаг болгон жарадында,
Ылар-жылбас көк талайдыг
Меес болгон белтиринде,*

С водоворотами Белой реки¹
Целебную-ключевую воду пивший,
С крутой вершиной Белой горы
Жирных зверей добывавший
Алтай-Буучай жил»
[Алтай баатырлар 2013, 22].

2. У открытого подножия
1. Шестивершинной белой тайги,
4. На ровном берегу
3. Медленно текущего синего моря
6. Жил
5. Прославленный Алтай-Буучай»
[Алтай баатырлар 2013, 94].

ная приподнятость повествования. Здесь вариативные описания выстраиваются в цепочку, и это придает тексту картинность изображения, красочность.

В давней-давней давности,
Когда ныне живущего народа не было,
В раннем-раннем, раннем веку,
Когда нас, теперешних, не было

В схождении земли-неба,
В подмышке семи гор
С горой, где нельзя охотиться
С рекой с семидесятью извилинами

На открытом берегу
Еле-еле текущей белой реки
На солнечном берегу
Тихо-тихо текущей синей реки,

¹ Талай (букв. море) — эпическое название большой реки.

*Тоолоп болбос мал кабырган,
Тоозын билбес жон башкарган,
Каранадый мал малдаган,
Кара агаштый жөөжөө ээлеген,*

*Темтен-тумтан базытту,
Темичи-Күрен жакшы атту,*

*Алтай-Буучай батыр
Алтынан бойы журтады.*

Представленные стихи, следуя друг за другом, вариативно описывают изначальную землю эпического героя, т. е. землю родных мест, изначально ему предназначенную. Здесь первые четыре четверостишия выступают как бы эпитетом пятого четверостишия, то есть особую группу эпитетов в алтайском эпосе составляют развернутые (пучкообразные) эпитеты-характеристики. Они состоят из простых и сложных эпитетов и обычно даются в зачине повествования, являясь при этом не только художественно-изобразительным средством, но и композиционным. От пятого четверостишия к первому идет вопрос «когда?», ко второму и третьему — «где?», а четвертое непосредственно связано с пятым. Но в то же время здесь каждая поэтическая фигура выступает как самостоятельная единица, и каждое четверостишие может по отдельности сочетаться с пятым четверостишием. В первом четверостишии мы видим традиционную общеалтайскую эпическую формулу, где прослеживается перекрестная вариация, т. е. варьируемые стихи «находят» соответствие через строку. Второе четверостишие несет в себе описательную функцию без варьирования. В третьем и четвертом

*«Алтай-Буучай маатыр жаткан.
Күн чыгыдыны бүркеген
Алтын тайга шибеелү,
Күн ажыт ньанда

Кара тайга шибеелү.*

Несметный скот державший,
Бесчисленным народом правивший.
Как [чащи] акации скот державший²,
Как густой лес богатства хозяин.

С размеренным-ровным
Темичи-Кюрен доброго коня имеющий
шагом

Алтай-Буучай богатырь
Сам по себе (неподвластно) жил»
[Алтай баатырлар 2013, 302].

четверостишиях мы видим опять перекрестную вариацию. В третьем четверостишии устойчивыми остаются слова «*талай*» («река») и «*бол*» («быть»), в четвертом — слово «*мал*» («скот»), а в остальном наблюдается фразовая синонимия, а иногда синонимия отдельных частей эпической фигуры, например «*агар-акнас*» / «*жылар-жылбас*» — «еле-еле текущей» / «тихо-тихо текущей». Пятое четверостишие здесь выступает как определяемое, как бы резюмирует вышесказанное.

По словам А. В. Кудиярова, «в подобных случаях наблюдаются не просто сходные формулировки высказанной мысли, а расширение ее содержания, насыщение ее многообразием смысловых и художественных оттенков, дополняющих друг друга в передаче совокупной художественной идеи, единой художественной темы, цельной в своем выражении» [Кудияров 2002, 78–79].

В варианте Е. Таштамышевой при описании эпической земли богатыря сказительница использует антонимичные выражения. Определения слова *гора* (тайга) — *золотая* и *черная* также выбраны не случайно, адекватно восточной и западной сторонам эпической земли Алтай-Буучая:

Жил богатырь Алтай-Буучай.
Заслонив сторону восхода солнца
Крепостью стояла
На стороне захода солнца
его золотая гора,
Крепостью была черная гора»
[Алтай баатырлар 2013, 190].

² Типичное для эпоса сравнение, подчеркивающее богатство богатыря — многочисленность, разнообразие его скота. Акации — быстро разрастающиеся кустарники, на открытых склонах издали напоминают пасущиеся тучные стада.

В варианте С. Бутуева особо выделяется красота эпической земли героя.

*«Көк чечектү Алтайда,
Кеен сүрлү өзөктө
Ак ла малы болгожын,
Алтай сынын ажынган,
Албатызы болгожын,
Алтын чөлгө жайылган,
Темтен-тумтаг базытту
Темичи-јеерен ол атту
Алтай-Буучый журтай берген.*

На Алтае с синими цветами,
В самой лучшей, красивой долине
Белый скот, если о нем сказать,
За хребты алтайских гор перевалил,
А народ его, если о нем сказать,
По всей золотой степи расселился.
С звонким и ровным топотом,
Еа рыжем коне Темичи ездящий
Алтай-Буучай много лет уже жил»
[Алтай баатырлар 2013, 254].

В вариационных описаниях характеристики эпического персонажа остановимся на традиционной в алтайском эпо-

се устойчивой формуле описания неуязвимости героя, которая встречается почти во всех алтайских героических сказаниях.

*«Онын кызарар каны жок,
Онтоп өлөр тыны жок.*

У него, чтоб покраснеть, крови нет,
Со стоном умереть, души нет»
[Алтай баатырлар 2013, 30].

*«Өлө беретен тыны да жок,
Өзүп токтоор жазы да жок.*

Умереть — души не имеющий,
Пределы летам не имеющий»
[Алтай баатырлар 2013, 108].

*«Кызарып агар каны жок,
Кыйылып өлөр тыны жок,
Өзгө онын болот бүткен,
Өбчи онын таш бүткен,*

Чтоб краснея пролиться, крови нет,
Чтоб оборвавшись умереть, души нет.
От рождения нутро³ у него стальное,
От рождения пищевод у него каменный»
[Алтай баатырлар 2013, 328].

В разновременных записях от А. Калкина видим, что сказитель по-разному оформил одно и то же вариативное описание. В первом случае (1958 г.) сказитель дает оригинальное описание неуязвимости богатыря, во втором случае в первой части использует частую алтайскую поэтическую формулу, а во второй части — также оригинальное описание, усиливающее и подтверждающее сказанное в первой части четверостишия.

«В муках умирать у него такой души нет, литься, краснея, у него такой крови нет» [Никифоров 1915, 16].

В варианте Ч. Куранакова вариативная фигура неуязвимости эпического героя почти идентична с вышеприведенным описанием Н. Улагашева:

Идеальный облик, красота эпического персонажа в алтайских героических сказаниях выражаются посредством уподобления небесным светилам, которое в большинстве своем используется для описания красоты эпической героини. У Н. Улагашева в описании идеального облика кроме сравнения с небесными светилами имеется типичное для алтайцев сравнение подглазьев с маральником (марал) — местным названием багульника:

*«Эки көс тан чолмондой,
Эки качар кызыл марал.*

Два его глаза как утренняя звезда,
Два его подглазья, как красный
маральник»
[Алтай баатырлар 2013, 74].

В варианте А. Калкина идеальный облик (лицо) Алтай-Буучая сравнивается с луной и солнцем и в целях идеализации в высшей степени — с блеском благородных металлов:

³ Өзөк — в данном случае букв. брюшная артерия (при закалывании барана обрывают брюшную артерию — *өзөгүн үзер*).

«Ай кеберлү бу чырайы
 Алтын кептү жытырашкан,
 Күн кеберлү бу чырайы
 Күмүш кептү мызылдаган.

Луноподобный лик,
 Как золото, блестит,
 Солнцеподобный лик,
 Как серебро, сверкает»
 [Алтай баатырлар 2013, 118].

Золото и серебро выбраны здесь сказителем, с одной стороны, для начальной аллитерации, с другой стороны, благородные металлы выступают в

качестве эталона красоты, нетленности и долговечности.

В варианте А. Калкина (1992 г.) идеальный облик героя описан двустипием:

«Көргөн көзи таг чолмондый,
 Көөркий бойы су алтындый,

Видящие глаза — как утренняя звезда,
 Сам — как из чистого золота»
 [Алтай баатырлар 2013, 330].

В записи А. Калачева при описании идеального облика богатыря с небесными светилами сравниваются глаза Алтай-Буучая:

«Один его глаз ярок, как утренний восход,
 Другой как луна горит»
 [Калачев 1896, 493].

Другие варианты описания облика Алтай-Буучая после оживления:

«Озогызынаг он артык чырайлу,
 Эртегизинег эки артык ийделү.

Лик его в десять раз лучше, чем прежде,
 Сила его в два раза больше, чем раньше»
 [Алтай баатырлар 2013, 74].

«Озогыдаг он артык,
 Эртегидег эки артык.

В десять раз он крепче, чем прежде, стал,
 В два раза сильнее, чем прежде, стал»
 [Алтай баатырлар 2013, 242].

«Озогыдаг он дор артык,
 Ол дор болуп ол тынданды.
 Эртегидег эки артык
 Бу ла болуп ол ойгонды.

В десять раз он крепче, чем прежде,
 Став, ожил.
 В два раза сильнее, чем раньше,
 Став, проснулся»
 [Алтай баатырлар 2013, 142].

Перед нами эпические стихи, по-разному описывающие изменение облика эпического персонажа. Во всех цитатах в основе стоит поэтическая формула: «Озогыдаг он артык / Эртегидег эки артык (В десять раз крепче, чем прежде / В два раза сильнее, чем

прежде)». В варианте Н. Улагашева со-держится уточнение, что изменились именно «лик» и «сила» героя. В варианте А. Калкина наблюдается перекрестная вариация.

Вариативное описание приготовления к свадебному пиру:

«Тайгаа теннеп эт туралар,
 Талайга теннеп араа аслар.

С гору мясо нарубите
 С моря араки наварите»
 [Алтай баатырлар 2013, 248].

«Тайгачаны жазай берген,
 Талайчаны жууй берген.

С гору (мясо) нарубили,
 С моря (вино) собрали»
 [Алтай баатырлар 2013, 272].

Во втором примере данные в скобках уточнения «мясо» и «вино» имплицитны: в оригинале этих слов нет. Внесение их в перевод мотивированно предшествующими, точнее такими же устойчивыми описаниями приготовления к свадебному пиру, которые встре-

чаются почти во всех алтайских героических сказаниях.

Из трехкратных вариаций можно представить различное описание приготовления ядовитого араки (вина) для отравления Алтай-Буучая в варианте А. Калкина:

«Алтан тажуур аракыга
Ачу корон кожжуп ийди,
Јетен тажуур коројонго
Јыду корон кожжуп ийди,
Үделикке бу јетирбей ӧлтүретен
Изү корон бу бојжотты.

Здесь трехкратное вариативное описание, где в первых двустихиях идет традиционное в алтайском эпосе варьирование числительных «алтан» (шестьдесят) и «јетен» (семьдесят), связанных с начальной аллитерацией, а в третьем двустихии идет как бы усиление двух первых, т. е. подтверждение вышесказанного. Также можно выделить вариацию эпитетов существительного *јд* «ачу» («горький»), «*јыду*» («дурно пахнувший»), «*изү*» («горячий, жгучий»)

В приведенном примере мы видим сначала числовую вариацию и вариативную характеристику яда, а далее идет как бы обобщение вышесказанного, которое должно привести к итоговому результату.

При сличении вариантов сказания выяснилось, что дословные совпадения вариативных фигур в рассматриваемых сказаниях очень редки. Это в основном устойчивые вариативные фигуры, которые в своей структуре обязательно имеют набор опорных, или ключевых, слов. Эти описания могут, сохраняя смысл, варьироваться в разных сказаниях или в пределах одного сказания. Устойчивость же этих вариационных параллелизмов достигается как раз благодаря опорным и ключевым словам и словосочетаниям, которые, сохраняясь в своей основе, могут варьироваться сказателями в описании тех или иных эпизодов повествования. В наши дни на основе текстов монголоязычных и тюркоязычных народов глубоко и подробно вопрос об устойчивости и вариативности эпических формул осветила Е. Н. Кузьмина. Она осуществила теоретическую и сравнительную разработку этого вопроса. В своих сравнительных анализах она также использовала алтайский материал. По ее словам, «в своей структуре типические места обязательно имеют набор опорных, или ключевых, слов, по которым их можно опознать. Эти слова, связанные в устойчивые словосочетания, со временем обретали образный

В шестьдесят тажууров вина
Горький яд добавила,
В семьдесят тажууров перегнанного вина
Дурно пахнувший яд вылила,
До полудня, чтоб богатырь не прожил, умер,
Жгучий яд спустила»

[Алтай баатырлар 2013, 116].

смысл, представляя собой эпические формулы, функционирующие в структуре эпоса как в составе типических мест, так и самостоятельно. “Общие места” очень тесно связаны с поворотами сюжета и как бы маркируют собой важные в сюжетном плане эпизоды героического повествования. <...> Варьирование эпических формул происходит на уровне лексики, использования синонимического ряда, инверсии слов и строк, сокращения или, наоборот, расширения поэтических словосочетаний. Все это сказывается на природе типических мест, которые даже в одном повествовании встречаются много раз то в сокращенном, то в расширенном виде (от одной до нескольких десятков стиховых строк)» [Кузьмина 2005, 5]. Как видно, при исполнении одного и того же сказания одним и тем же сказителем с определенным интервалом времени они подвержены частичным изменениям. Следует отметить, что сказитель, даже повторяя без изменений какие-то устойчивые формулы, не просто передает их как заученные, но как бы заново воссоздает, опираясь на эпическую память. При фиксации эпоса решающим фактором того, каким будет исполнение, может стать как физическое состояние сказителя, так и внешние обстоятельства.

Разновременные записи эпоса «Алтай-Буучай» от А. Калкина полностью подтверждают тезис о том, что каждая запись — это творческий акт, который имеет самостоятельное значение. Поэтому каждый вариант одного и того же сказания, записанный от одного и того же сказителя, нужно считать самостоятельным произведением.

Следующая интересующая нас стилиевая категория — это *подхват*, или *анадиплосис* (от греч.: *anadiplosis*, «удвоение») — один из видов словесного повтора, а точнее — повтор заключительного созвучия, слова или словосочетания в начале следующей строки или фразы.

По словам А. В. Кудиярова, «якутский эпос и алтайский демонстрируют убывание этой стилевой категории» [Кудияров 2002, 51]. Но в сказаниях, записанных В. В. Радловым во второй половине XIX в., подхват встречается более часто, чем в вариантах сказания «Алтай-Буучай», где наблюдается также убывание этой стилевой категории по сравнению с более ранними записями алтайского эпоса. В вариантах А. Калкина и Ч. Бутуева подхват не выявлен. Они исполнены каем под аккомпанемент топшуура. В варианте Е. Таштамышевой, который исполнен речитативным сказом, всего два примера подхвата. У Н. Улагашева подхват также встречается очень редко.

*«Чойун кара ӧргӧд тур жыт.
Тогзон тӱндӱктӱ,
Тогзон тогус толукту.
Тогзон тогус толукту
Ӧргӧдзин кӧрӱп,
Камчы-жеерен ат
Арга-бекезин тапий турды.*

Здесь мы наблюдаем фразовый подхват, где зависимые слова от существительного *юрта* занимают целую строку. В тюрко- и монгольязычной эпике подхват носит в большинстве своих проявлений глагольный характер, чем

*«Эрмен-Чечен тышкары чыга конды,
Тышкары чыгы коноло:
“Ба-таа, Алтай-буучай кел жаткан
Ушкуш» — дийт».*

В варианте Н. Улагашева выявлены три прерывистых подхвата, т. е. подхватываемая и подхватывающая фразы могут обособляться друг от друга.

*«Жара-Чечен кызына айтты:
“Мен үйде жок тужунда
Боро тайга чыкпа.
Ак талайдын кутук суузына
Эки будун эмди сукпа”
Кызына онойдо жакыйла,
Бай-Чоокур адына минди.*

Здесь сказитель прибегает при подхвате к глагольной синонимии (выделено полужирным шрифтом), придающей дополнительный художественный оттенок тексту.

В варианте Е. Таштамышевой один пример подхвата имеет глагольный характер, второй — именной подхват, т. е. подхват имен собственных и существительных. Глагольный же характер подхвата обусловлен структурной особенностью алтайского языка, где постоянное место сказуемого в конце предложения. Именной подхват в алтайской эпике явление весьма редкое, поскольку предложение в алтайском языке, как отмечалось, заканчивается сказуемым. Этот вид подхвата «сцепляет» последовательные части текста на манер сказового повествования.

Приведем пример именного подхвата, который нам удалось выявить в варианте Е. Таштамышевой:

Чугунная черная юрта стоит.
С девяноста дымоходами,
С девяноста девятью углами.
С девяноста девятью углами
Юрту увидев,
Камчи-дьерен конь
Не знает, что предпринять»
[Алтай баатырлар 2013, 224].

объясняется средоточие его в их фабульной части, повествующей о событиях и действиях, поступках персонажей. Чаще всего конечный глагол подхватывается следующей фразой вместе с зависимыми словами, например:

Эрмен-Чечен наружу выбежала,
Наружу выбежав:
“Ба-таа, Алтай-Буучай едет
Кажется” — говорит»
[Алтай баатырлар 2013, 200].

Дочери Дьара-Чечен **сказал**:
“Когда меня дома не будет
На серую гору не поднимайся.
В целебную воду белой реки
Ноги не опускай”
Дочери так **наказав**,
На коня Бай-Чоокур сел»
[Алтай баатырлар 2013, 24].

Таким образом, можно сказать, что подхват является характерным стилевым приемом сказительства алтайцев. В становлении его как стилевой категории свою роль сыграла особенность

памяти при устной передаче значительного объема информации. Также повтор слова, а точнее фразы в начале следующей, позволял при исполнении сказания не терять нить повествования и последовательно переходить от одного события к другому, от одной темы к другой, придавая стройность, а местами и торжественную приподнятость изложению.

«*Јорго јеерен ат*

«*Јалбыш јеерен ат*

У Е. Таштамышевой встречаем:

«*Эрке јеерен ат.*

В записи Н. Улагашева:

«*Јеерен кызыл түлкү туштаар.*

Во второй и последней цитате используется распространенный в алтайском эпосе вид усложненной эпитетики, где один из эпитетов определительного ряда усиливает последующий, выступая, таким образом, определением к определению, а не к определяемому существительному.

В алтайских героических сказаниях эпитеты чаще всего постоянные, т. е. эпитет и определяемое слово выступают как смысловое целое. Такие эпитеты, раскрывающие наиболее характерный, существенный признак в определяемом слове, занимают ближайшее к

«*Көбөн јалан токум салды*

«*Күве јалан токум сал јыт*

«*Ак көбөн токум салды*

В варианте Ч. Бутуева встречается цитата «*Алмас болот ак үлдү*» («**Острая стальная белая** сабля») [Алтай баатырлар 2013, 270], в которой эпитет «*болот*» («стальной») является устойчивым, постоянным для всей алтайской

Еще одним характерным стиливым признаком в рассматриваемых сказаниях является *усложненная эпитетика*. По определению А. В. Кудиярова, это «особый вид художественной определительности, когда один из эпитетов в определительном ряду уточняет или усиливает другой» [Кудияров 2002, 12]. Например, в варианте А. Калкина:

Иноходец рыжий конь
[Алтай баатырлар 2013, 156];

Пламенно рыжий конь
[Алтай баатырлар 2013, 158].

Любимый рыжий конь
[Алтай баатырлар 2013, 212].

Рыжая красная лисица встретится
[Алтай баатырлар 2013, 48].

нему место и составляют в алтайском эпосе совокупность постоянных эпитетов. Например, в рассматриваемых сказаниях эпитет «*јалан*» («[широкий] как степь») выступает как постоянный эпитет существительного «*токум*» («потник»), а более удаленные от определяемого существительного эпитеты «*көбөн*» («хлопковый»), «*күве*» («белый») в переводе С. С. Суразакова являются переменными.

В варианте А. Калкина (1992 г.) эпитет «*јалан*» («[широкий] как степь») отсутствует, но устойчивым остается эпитет «*көбөн*» («хлопковый»).

Хлопковый [широкий, как] степь,
потник набросил»
[Алтай баатырлар 2013, 158].

Белый [широкий, как] степь,
потник подстиляет»
[Алтай баатырлар 2013, 230].

Белый хлопковый потник перекинул
[Алтай баатырлар 2013, 310].

эпики, а эпитет «*алмас*» («острый») — переменным. Вместо него применим цветовой эпитет «*кара*» («черный») или эпитет «*айабас*» («нетупеющая»). Как, например, у Н. Улагашева: «*Кара болот үлдүзиле*» («Черной стальной саблей») 93

[Алтай баатырлар 2013, 60], или у А. Калкина: «*Айабас болот үлдүзин*» («Нетупеющую стальную саблю») [Алтай баатырлар 2013, 312]. Цветовой эпитет «ак» («белый») в данном случае является дополнительным эпитетом существительного «*үлдү*» («сабля»), который нам кажется собственно-индивидуальным привнесением сказителя Ч. Бутуева.

Эти конструкции имеют различные функциональные отношения с определяемым словом и между собой. Поэтические определения при этом могут характеризовать разные признаки. Например, в конструкции Ч. Бутуева: **белый** указывает на цвет, **острый** — качество, **стальной** — из какого материала сделана сабля, но этот же эпитет выступает и в значении «крепости, нетленности и долговечности». Здесь все эпитеты независимы друг от друга, но один из них может дополнять или непосредственно характеризовать другой в определительном ряду существительного, именно в этом качестве соотноситься с последним или вовсе с ним не соотноситься (в этом и состоит усложненность эпитетики). Основную функцию этого стилового приема мы бы определили как усиление характеризуемого признака или уточнение того или иного аспекта.

Таким образом, даже краткий анализ некоторых стилевых категорий в вариантах героического сказания «Алтай-Буучай» позволяет характеризовать их как типичные образцы художественной фактуры устной эпической поэзии алтайцев, которые сохранили свою значимость и ценность по сегодняшнему дню. Согласно характерной для художественной системы эпоса тюрко-монгольских народов канонизированности содержания и поэтической системы, сюжетно-композиционная линия в вариантах сказания «Алтай-Буучай» традиционно начинается с описания земли богатыря, его

родовых мест, его коня и т. п. После этого объявляется событие-завязка, за которым выстраивается очередность других событий, составляющих основное содержание сказания. Но при всей «канонизированности» содержания и несмотря на то, что варианты сказания «Алтай-Буучай» имеют единое происхождение, каждый вариант представляет собой сугубо самостоятельный словесно-художественный памятник, несущий в себе унаследованную, перенятую от поколений предшественников, наполненность содержания, в которой реализуются каноны стиля и поэтики эпоса. У каждого сказителя своя исполнительская манера и во многом свой лексический набор и эпический язык в целом, вбирающий особенности традиционной культуры определенной этнической среды.

Литература

Алтай баатырлар 2013 — Алтай баатырлар (Алтайские богатыри) / сост. А. А. Конунов. Горно-Алтайск, 2013.

Калачев 1896 — *Калачев А.* Былина об Алтай-Бучае // *Живая старина*. 1896. Вып. 3—4. С. 492—499.

Кудияров 2002 — *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М., 2002.

Кузьмина 2005 — *Кузьмина Е. Н.* О систематизации типических мест героического эпоса народов Сибири // *Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири* (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксп. изд. Новосибирск, 2005.

Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Никифоров 1915 — *Никифоров Н. Я.* Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Омск, 1915.

Суразаков 1961 — *Суразаков С. С.* Героическое сказание об Алтай-Бучае. Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1961.

Суразаков 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.

Сведения об авторе

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»: 649000, Россия, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6, тел. (факс): +7 (388 22) 253 04; e-mail: konun1974@mail.ru

POETICS AND STYLE OF THE VARIANTS OF THE ORAL EPIC “ALTAI-BUUCHAI” IN THE COMPARATIVE DIMENSION

KONUNOV ARKADIY

(Budget-funded Scholarly Institution of the Altai Republic “Research Institute of Altaian Studies” named after S. S. Surazakov: 6 Socialisticheskaya St., 649000 Gorno-Altai, The Altai Republic, Russian Federation)

Summary. Variants of the epic “Altai-Buuchai” recorded from oral authentic performances are unheralded to wide readership. In this regard it is important to study the problems of this epic and to analyse artistic descriptive devices systematically.

These issues have never been under special consideration. This paper is the first study of poetics and stylistic of the “Altai-Buucha” — epics variants.

The main goal of the work is the comparative analysis of the stylistic techniques appearing in different variants (primarily two non-contemporaneous records of performances by the same singer) of the heroic epic “Altai-Buuchai” along with using several variants published only in Russian translation. The varying figures are limited to basically stable shapes and include a set of bearing key words into their structure. The anadiplosis is a characteristic stylistic technique for folk-tales composition in singing among the Altaians. The particularity of memory processing during the oral transmission of a significant amount of information was the basic factor of its development as a stylistic category. The main function of the complicated epithet set is strengthening of the feature that is being described or specification of one or another facets.

A brief analysis of some of the stylistic categories of the variants of the heroic tale “Altai-Buuchai” allows to characterize them as typical examples of the artistic texture of Altai oral epic poetry which have retained their significance up to the present day. Although having the “canonized” content and despite the fact that variants of the tale “Altai-Buuchai” have a common root, each variant still presents a purely individual verbal and artistic monument, that is carrying the fullness of the content, that has been inherited from the generations of predecessors, in which canons of the style and poetics of the epic are manifested. Each singer has his own performing style, essentially his own lexical vocabulary and in general his own epic language, reflecting the features of the traditional culture of a particular ethnic environment.

Key words: heroic oral epic, style, variation, anadiplosis, epithet.

Literature

Altaj baatyrlyr (Altai heroes). Compiled A. A. Konunov. Gorno-Altai, 2013. (in Russ.).

Kalachev A. Bylina-song about Altaj-buuchaj. *The Alive Antiquity*. 1896. Issues 3—4. Pp. 492—499. (in Russ.).

Kudiyarov A. V. The Artistic-stylistic Tradition of the Mongolian and Turkish Peoples of Siberia. Moscow, 2002. (in Russ.).

Kuz'mina E. N. About Systematization of the Type Scenes of the Heroic Epic of the Peoples of Siberia. *The Index of the Type Scenes of*

the Heroic Epic of the Peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakass, Shors, Yakuts). Novosibirsk, 2005. (in Russ.).

Meletinskiy E. M. “Edda” and the Early Forms of Epic. Moscow, 1968. (in Russ.).

Nikiforov N. Ya. The Anoskij Miscellanea. The collection of the Altaian tales, with G. N. Potanin's Remarks. Omsk., 1915. (in Russ.).

Surazakov S. S. The Heroic Tale about Altai-Buuchai. The Studies and Texts. Gorno-Altai, 1961. (in Russ.).

Surazakov S. S. The Altaian Heroic Epic. Moscow, 1985. (in Russ.).

About the author

E-mail: konun1974@mail.ru

Tel.: +7 (388 22) 253 04;

6 Sotsialisticheskaya St., 649000 Gorno-Altai, The Altai Republic, Russian Federation;

PhD (Philology), Senior Researcher, Budget-funded Scholarly Institution of the Altai Republic “Research Institute of Altaian Studies” named after S. S. Surazakov.